Звезда

2012/3

Валерий Кислов
Экскурсия. Рассказ

Юрий Зельдич
Герберт Уэллс — великий гуманист и человеконенавистник

Ю. Ш. Мацкевич, Л. А. Мосякина
Круг М. М. Бахтина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биографическая статья о Герберте Кларке Гувере — 31-м президенте США

- Герберт Гувер — великий гуманист и индивидуалист
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Герберт Гувер — великий гуманист и индивидуалист

6 августа 1914 года в центральной конторе компании «Герберт К. Гувер» в Лондоне раздался телефонный звонок. Встревоженный голос попросил к телефону мистера Гувера — с ним хочет говорить мистер Холстед, консул Соединенных Штатов в Лондоне.

— Мистер Гувер, — сказал консул, — не согласитесь ли вы помочь соотечественникам? Если вы согласны, я очень прошу вас как можно быстрее прийти ко мне.

Консульство находилось в двух шагах от офиса компании, и через несколько минут Герберт Гувер молча слушал взволнованного консула.

— Вы видели толпу у дверей консульства, мистер Гувер?

Гувер кивнул.

— Это люди, которые не могут уехать домой в Америку. Большая часть их примчалась в Лондон из Европы, ведь позавчера, как вы знаете, немцы вторглись в Бельгию, и все устремились сюда, боясь, что война надолго отрежет их от дома — не говоря о страшной перспективе оказаться под огнем. Они просят у меня помощи: банки отказываются акцептовать дорожные чеки, не хотят менять доллары на фунты, и многие не могут купить билеты на пароход, даже расплатиться с гостиницей. Но у меня нет средств, чтобы помочь сотням и тысячам людей. Скажите, можете ли вы как-нибудь разрядить обстановку?

Склонив голову, Гувер еще некоторое время молчал. Потом встал и, сказав: «Я попытаюсь что-нибудь сделать», — вышел из кабинета консула.

Консул Холстед смотрел на закрывшуюся дверь с облегчением и надеждой. Подумал, что его выбор был правилен. Среди бизнесменов-американцев, обосновавшихся в Англии, Гувер был самым богатым и, что немало, — великолепным организатором и руководителем. Его карьера представлялась фантастической. Через 5 лет после окончания Стэнфордского университета он был наиболее высокооплачиваемым инженером с годовым окладом в 12,5 тыс. долларов. Еще через 8 лет он владел акциями компаний в Бразилии, Аргентине и России; его состояние превышало 10 млн долларов (более 250 млн в наши дни). Он был достоин успеха и высокого авторитета, которыми пользовался в деловых кругах.

Поэтому, когда он пригласил некоторых состоятельных американцев в Лондоне с ним вместе помочь охваченным тревогой соотечественникам, — согласие было дано незамедлительно. Прошло лишь несколько часов, и Гувер вернулся в консульство в сопровождении четырех джентльменов. Они потребовали пять столов, разделили стоящих перед подъездом людей на пять потоков и стали менять доллары — тем, у кого они были — на фунты, а тем, кто робко, испуганно говорил, что у них, кроме чеков, нет ничего, давали деньги! Ссужали под честное слово, не требуя ни обеспечения, ни процентов.

Холстед с упоением сообщил послу Уолтеру Пейджу о происходящем в консульстве. Посол сказал, что у посольства народу не меньше — не может ли Гувер прийти к нему?

Людское наводнение у стен посольства и консульства длилось почти два месяца; чтобы утишить его, потребовалось 400 тыс. долларов, из коих 150 тыс. выделило правительство.

И совсем не случайно, что эту благотворительную акцию возглавил Герберт Гувер, self-made man, как говорят американцы, — человек, сделавший себя сам. Природа наделила его всеми необходимыми качествами, но и обстоятельства жизни немало потрудились, чтобы из их горнила вышел такой человек.

Герберт Кларк Гувер родился в 1874 году в штате Айова в семье деревенского кузнеца. Сельцо бесхитростно называлось West Branch — Западный ручеек. Вест Бранч — два десятка невзрачных деревянных домов — обыкновенно тихий и малолюдный, а постороннему взгляду, если б такой возник, показался бы сумрачным и тоскливым. Серые домики, серая домотканая одежда, одна пара обуви на все времена года. Да и людей не видно — взрослые и дети работают: кукуруза требует большого труда. Вест Бранч — поселение квакеров, «Общества друзей», как они себя называют. Неустанный труд — их первая заповедь, а еще — взаимоподдержка, скромность, почти что бедность и абсолютный отказ от насилия. В каждом человеке — внутренний свет, эманация Божественной энергии; обратить против человека силу — значит покуситься на Бога. По воскресеньям жители деревни собираются в молитвенном доме, в пустой комнате с голыми стенами и молятся — молча, сосредоточенно, опустив голову (вот откуда привычка Гувера, размышляя, опускать голову). Ни священников, ни обрядов, ни таинств, даже крещения; переживание Бога в себе — единственно достойное восприятие Божественной сущности.

Семья Гуверов привержена уставу общины в полной мере. Что

касается скромности, то и стараний прилагать не приходится — беднее, кажется, некуда. В доме — две комнаты одна другой меньше; спальня столь тесна, что детскую кроватку утром задвигают под постель родителей — иначе в комнатке не повернуться.

В деревенской жизни кузнечные изделия нужны постоянно, и отец, Джесси Гувер, постепенно расширил свою мастерскую и перевез семью в больший дом. Но начавшая налаживаться жизнь внезапно обрушилась: Джесси заболел лихорадкой и умер — в тридцать четыре года; Берти едва исполнилось семь лет, старшему брату Тэду — восемь, младшей сестричке — четыре. Мать соглашалась теперь на любую работу и, видимо, надорвалась: через четыре года умерла и она. Детей разобрали родственники. Недолго прожив у бабушки, Берти попал к одному дяде, потом — к другому, брату матери Джону Минтхорну. Тут двенадцатилетний сирота пригодился — работать «на дядю», да простится мне этот нехитрый каламбур. Два года Берти вместе с работниками, которые валили лес, шесть дней в неделю обрубал и пилил ветки. Вечерами посещал то, что мы бы назвали приходской школой.

В 1888 году Джон Минтхорн перебрался в штат Орегон и занялся куплей-продажей домов. Берти он посадил в контору, а вечером мальчик ходил в школу — чуть более высокого уровня, чем приходская. Берти усвоил начала математики и латыни, переплетное дело и научился печатать на пишущей машинке. Он стал читать книги, наткнулся на «Дэвида Копперфилда». История маленького Дэвида поразила его созвучием со своим детством; всю жизнь потом он возил «Копперфилда» с собой.

Однажды в контору Минтхорна зашел человек, сказал, что хочет купить себе дом. Геолог, минеролог, он побывал в разных штатах, участвовал во многих экспедициях, его рассказы возбудили фантазию юного клерка. Как раз в это время открылся Стэнфордский университет, был объявлен первый набор студентов, и Берти решил, что это — для него.

В августе 1891 года юный Герберт отправился в Пало Алто, в Калифорнию. Он выдержал экзамены по латыни и математике, в остальных предметах провалился. Но оба профессора наук, в которых молодой Гувер продемонстрировал уверенность и сообразительность, вступились за него горой. «Мы увидели такое стремление, такую настойчивость, что готовы поручиться, что этот юный квакер восполнит недостающие знания и станет отличным студентом», — сказали они декану. Берти был принят условно, но первый же семестр закончил так успешно, что был

зачислен окончательно.

Для учебы, для жизни нужны были деньги, и Берт брал работу в университетском офисе, разносил по дормиториям белье из прачечной, печатал на машинке деловые бумаги — пригодилось приобретенное в конторе дяди умение. У Берта не было колебаний в выборе профессии. Со второго курса его главным предметом стала геология. На групповой фотографии студентов-геологов Стэнфорда Берт скромно стоит в последнем ряду; недалеко от него — единственная девушка, Лу Генри, поступившая в Стэнфорд позже, в 1894 году.

Трудное детство еще долго помнилось — Берт редко улыбался, манера смотреть исподлобья не очень располагала к нему товарищей, но его спортивная активность — привлекала. И Лу увлеченно занималась спортом. То ли спортивные таланты Берта сыграли роль, то ли его явная, неотступная влюбленность, которую быстро почувствовала Лу Генри, но скоро они поняли, что жить друг без друга не могут.

Отец Лу был весьма богат, и гордость не позволяла Берту, окончив университет с сорока долларами в кармане, просить руки девушки, которой он не мог предложить привычный ей образ жизни. Теперь одна мысль точила его: найти работу, быстро добиться успеха и предстать перед родителями своей красавицы взрослым, уверенным мужчиной.

Дело, однако, затянулось. Полтора года он работал в небольших изыскательских компаниях в Колорадо и Калифорнии, но там не было перспектив. Наконец серьезное место нашлось, но какое место: Австралия! Австралия тогда была страной почти что дикой, однако запасы минерального сырья и рудных металлов предвещали ей большое будущее, и английская фирма «Бевик, Морейн и Ко» завела там прииски.

Но время шло, а сколько-нибудь крупных находок золота не обнаруживалось. В дело были вложены большие деньги, нетерпение владельцев нарастало, годилось любое решение, и чья-то рекомендация послать туда никому не известного молодого инженера-геолога из университета Дикого Запада была принята.

Перст судьбы? Возможно. Немало случайностей выпадает на долю почти каждого человека, но далеко не каждый извлекает из слепого случая фантастический выигрыш. Герберт Гувер не упустил свой шанс.

Из порта Брисбейн на востоке Австралии Герберт в несколько недель добрался до цели, преодолев тысячи миль на верблюдах, в повозках, испытав дневной жар и ночной холод, голод и жажду. И — усилия вознаграждены, промышленное золото найдено!

Восторгу «Бевика, Морейна и Ко» не было предела: Гувер назначается главным инженером прииска с годовым окладом 7,5 тыс. долларов — огромным по тому времени.

Прииск успешно работал, добыча золота возрастала — но ведь на краю Земли! Берти и Лу неустанно писали друг другу, но могут ли письма быть заменой… Тут лондонские владельцы предлагают Гуверу переехать в Китай с почти удвоенным окладом — видимо, талант Гувера-инженера произвел на них сильное впечатление. Немедленно посылаются две телеграммы: в Лондон, с согласием, в Пало Алто, с одной фразой: «Will you marry me?» От Лондона ответа не требовалось, из Пало Алто пришел короткий ответ: «Yes».

Почти три года назад Герберт уехал из Америки и теперь обратной дорогой — через Брисбейн, Цейлон, Суэц, Лондон, Нью-Йорк — возвратился в Калифорнию. 10 февраля 1899 года состоялась свадьба.

В начале марта молодожены прибыли в Китай. Но едва они успели там обосноваться, осмотреть достопримечательности, как в стране началось боксерское восстание. В этих условиях иностранным концессиям пришлось свою деятельность свернуть. Хозяева компании отзывают Гувера в Лондон и предлагают ему стать совладельцем фирмы.

Офис четвертого партнера компании почти всегда пуст. Его хозяин колесит по миру. Индия, Новая Зеландия, Австралия, Гавайские острова, Франция, Египет, Россия, Цейлон, «далее — везде». И почти всюду его сопровождает жена, а иногда и дети, Герберт-младший и Аллан. Морские переезды Герберт-старший заполняет работой со своими помощниками, изучает геологические карты района, базы данных, условия. К моменту своего появления на новом месторождении он знает о нем все, быть может, больше, чем местные инженеры.

В 1908 году Гувер продает пай в компании и открывает свое дело. К началу войны фирма имела отделения в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Петербурге, Париже и Мандалае (Бирма), в ней работали 25 тысяч инженеров, клерков и рабочих, разведка и добыча велись по всему миру. Ее операции простираются от Клондайка до рудников Урала. Ее рабочие добывают золото в Трансваале, ищут бирюзу на Синае, качают нефть под Майкопом, инженеры организуют исследования в Малайе, Перу и Тринидаде.

Гувер часто бывает в Америке, читает лекции в горной школе Колумбийского университета и на геологическом отделении Стэнфорда. Издает лекции под названием «Принципы горного дела»; на долгое время «Принципы» стали базовым учебником геологии. Интеллектуальная любознательность повлекла его к

совершенно необычному для инженера предприятию: вместе с Лу он перевел «De Re Metallica», классический труд немецкого ученого позднего Средневековья Георгиуса Агриколы (псевдоним Георга Бауэра) — первое систематическое руководство по минералогии. Перевод был опубликован в 1912 году. Гувер не пожалел расходов: фолиант был напечатан на бумаге, подобной бумаге шестнадцатого столетия, на которой увидело свет первое издание. Почти половину трехтысячного тиража Гувер раздарил инженерам-геологам, которых знал, и университетам.

По правилу средневековых ученых, Агрикола цитировал древних. Гуверу бросилась в глаза римская сентенция: «Почему, о боги, так жаждет человек взращивать богатство? Когда уже нет меры ему. Когда уже перестал помогать друзьям и собирать урожай благодарности». Изречение запало в душу оттого, видно, что стала надоедать ежедневная гонка, — она отнимала слишком много душевных сил. Всплыло другое — сызмала впитанная заповедь квакеров: помоги людям.

В конце того же, 1912 года Гувер становится попечителем своей альма-матер — Стэнфордского университета. (Этот пост он сохранял за собой до самой смерти, более 50 лет.) «В первые 10 дней он внес столько идей, сколько мы не слышали за 10 лет», — вспоминал потом президент университета. Гувер предложил широкую программу строительства — библиотеки, госпитали, гимназии — и реализовал ее, пожертвовав университету — без всякой огласки! — 100 тыс. долларов. И два года спустя, также по велению чувства, он кинулся спасать, давать деньги, отправлять домой людей, попавших в круговерть войны, забыв о своем бизнесе, оставив его на помощников.

Акция спасения соотечественников имела еще одну, важную для Гувера сторону. Это был первый опыт частной инициативы в разрешении человеческих проблем большого масштаба. Для Гувера стало непреложной истиной, что частная благотворительная деятельность способна разрешить любой гуманитарный кризис без привлечения государственных пружин, притом с лучшим результатом и меньшими затратами.

Отплыл в Америку последний американский турист, отправилась домой Лу с детьми, и Гувер решил, что и ему пора навестить родину. Но он не уехал вместе с семьей, что-то удерживало его, словно какое-то предчувствие. Подождав несколько дней, он все-таки купил билет на лайнер «Лузитания» на 18 октября.

Но 17 октября в лондонской резиденции Гувера зазвонил телефон. На сей раз это был посол Пейдж.

— Ситуация в Бельгии становится катастрофической, —

сказал посол, — германские армии разрушили всю инфраструктуру страны, разбиты фабрики, уничтожены фермы. Британцы установили блокаду Германии, но голод наступает на Бельгию, ведь семьдесят процентов необходимого продовольствия страна импортировала. Президент Вильсон восхищен вашими недавними действиями, и по его поручению государственный секретарь Брайан обращается к вам с просьбой помочь бельгийцам. Правительство апеллирует к вам еще и потому, что не может даже косвенно оказаться втянутым в европейский конфликт, но обещает вам всяческую поддержку.

Посол Пейдж бил наверняка, он знал, что Гувер не может не согласиться. Но тяжесть, которую он взваливал на плечи Гувера, была невероятной. Элементарный расчет показывал, что потребуются миллионы долларов в неделю, десятки тысяч тонн продовольствия, понадобится целый флот грузовых судов, которым предстоит пройти сквозь строй враждующих эскадр, разгружаться в Голландии, по каналам перевозить грузы в Бельгию и еще быть уверенным в том, что продукты достанутся тому, кому следует. Понятны колебания Гувера. Взять на себя ответственность за существование целого народа! Какая моральная ноша! Грандиозная работа по спасению девяти миллионов человек потребует от него всех сил, всех сил без остатка. Оставить надолго, быть может совсем, дело, которое любил, которому отдано двадцать лет, которое сейчас, в момент возрастающего спроса на рудные ископаемые, принесет ему баснословные прибыли?! Промучившись несколько бессонных ночей, Гувер решился. По свидетельству его друга и биографа Уильяма Ирвина, гостившего у него в это время: «Let the fortune go to hell!» («Пусть богатство идет к черту!») — воскликнул он в одно из утр. Может быть, такой в точности фразы и не было сказано, — но по последствиям она куда человечней другой легендарной фразы: «Жребий брошен!»

В тот же день Гувер сообщил Пейджу, что принимает миссию. Ему должно принадлежать абсолютное и полное руководство Комиссией при совершенном невмешательстве официальных лиц. Он не будет брать никакой платы за свою работу, на этих же условиях будет приглашать главных менеджеров своего комитета — Комиссии помощи Бельгии (Comission for Relief in Belgium, CRB), но персонал среднего и низшего уровней будет получать заработную плату. (Кстати сказать, на всех последующих постах, на должностях министра торговли и президента США, Гувер перечислял полагающийся ему оклад в благотворительные фонды.) Разумеется, посол согласился, объявив от имени всех государственных чиновников, обязательство не вмешиваться в

дела Комиссии.

22 октября у Гувера собрались его друзья и коллеги-американцы — бизнесмены и горные инженеры. Гувер изложил продуманный в ночные часы порядок действий. Необходимо создать слаженную структуру, способную собирать деньги и закупать продовольствие в разных точках мира, перевозить его и распределять. Открыть представительства Комиссии в Брюсселе, Роттердаме, Нью-Йорке, Лондоне. Сформировать общественную поддержку. Начать работать немедленно, голодающие не могут ждать.

Распределили обязанности, и участники совещания разъехались по местам.

Первый корабль, груженный зерном, пришел в Брюссель уже через неделю, второй в начале ноября привез в Роттердам из Канады 2300 тонн муки, риса и бобов. Деньги тоже стали притекать довольно быстро. За 4 года войны частные пожертвования составили 52 млн долларов. Гуверу удалось получить заем в 12 млн в американских банках, но было ясно, что затраты могут быть покрыты только государственными субсидиями. Средства бельгийского казначейства были предоставлены, однако этого было недостаточно. Львиную долю финансирования должны были, по мнению сотрудников CRB, выделить Англия и Франция. Уговорить правительства воюющих держав дать деньги чужому народу при бешено возросших собственных расходах?! Никто не мог и представить, как взяться за это дело, как подойти к нему. Никто, кроме Гувера.

Он решил начать с Англии. Британские власти имели тысячу возражений: продовольствие попадет к немцам, в транспортный поток проникнет германская разведка, корабли CRB затруднят военно-морские операции и т. д. Благодаря связям в английском истеблишменте Гувер получает аудиенцию у премьер-министра Асквита, образцового английского джентльмена. Премьер выказал полное сочувствие человеколюбивым устремлениям CRB, но посетовал на упрямство своих министров, с которыми, к величайшему нашему общему прискорбию, ничего поделать не может. Гувер сумел договориться о встрече с несколькими министрами, в том числе с весьма влиятельным министром финансов Ллойд-Джорджем, убедил их не чинить препятствий транспортам с продовольствием и выдать многоразовые визы сотрудникам CRB. Но деньги, деньги — как заставить англичан раскошелиться?..

Но еще труднее добиться согласия немцев. Деятельность CRB привлечет внимание к последствиям вторжения в маленькую нейтральную страну — к чему им это? Не говоря уже о безумстве

шпиономании, которое поразило все страны. И в январе 1915 года Гувер направляется в Берлин.

Благодаря американскому послу Джерарду Гувер был принят рейхсканцлером Бетман-Гольвегом, тремя министрами и президентом рейхсбанка. Похоже, что Гувер загипнотизировал их, они просто смотрели ему в рот и исполняли все его желания. Германские власти не будут изымать будущий урожай на оккупированных территориях, предоставят свободу передвижения работникам CRB, предохранят суда CRB от атак германских кораблей, примут посланца-координатора Гувера. В паспорте Гувера появилась запись: «Не может быть задержан (остановлен) нигде ни при каких обстоятельствах».

Каким чудом удалось ему развернуть германскую политику во всем этом деле на 180 градусов, остается загадкой. Такой загадкой, что сенатор-республиканец Лодж обвинил Гувера «в сотрудничестве с врагами». Лодж угрожал провести сенатское расследование, и хотя оно ни чем бы не кончилось, потрепать нервы Гуверу и испортить имидж CRB вполне бы могло. Урезонить распалившегося сенатора удалось только видному республиканцу, экс-президенту Теодору Рузвельту. «Я держу его руки связанными», — сказал он обеспокоенному Гуверу, приехавшему из-за этой истории в Нью-Йорк позднее, в октябре.

Гувер вернулся из Берлина в Лондон, «увитый лаврами» покорителя «гуннов», и — куда пропала ледяная атмосфера, царившая на первой встрече с британскими министрами? Рассказ об увиденном в Бельгии (Гувер посетил и Бельгию) был выслушан с предельным вниманием. Затем Ллойд-Джордж взволнованным голосом сообщил, что правительство его величества решило выделять ежемесячно «фонду Гувера», то есть CRB, 1 млн фунтов стерлингов (4,8 млн долларов). Гувер искренне благодарил, честно сказал, что не ожидал такого успеха, и услышал в ответ: «You deserved this succes» («Вы заслужили этот успех»).

После берлинских и лондонских побед поездка в Париж выглядела прогулкой, ведь в поддержке нуждались 3 млн жителей французских территорий, оккупированных немецкими войсками. Министр иностранных дел Франции Делькассе помялся один день, а наутро президент крупного парижского банка Хомберг сообщил Гуверу, что ему будет переводиться 3 млн долларов ежемесячно.

Ллойд-Джордж справедливо оценил заслуги Гувера. Восторженно отзывался о нем и посол Пейдж. «CRB — творение Гувера и во многом зависит от него, — писал он госсекретарю Брайану. — Им заключены соглашения с несколькими правительствами, договоренности выполняются благодаря его

авторитету и стойкости. Без него Комиссия распалась бы на части, а финансовые источники иссякли». Посол Пейдж неустанно повторял: «Никогда не было ничего подобного в мире, все сделал один человек — Гувер. Он единственный человек, кто без всяких официальных полномочий вел переговоры с высшими государственными деятелями нескольких стран (причем враждующих стран, добавим мы) — и никогда не терпел поражения».

Не забудем, что сотрудникам CRB приходилось работать в пространстве войны, в атмосфере взаимной враждебности. Эта странная организация «над схваткой», примера которой не было в истории, никак не помещалась в воспаленном сознании людей, ввергнутых в ад войны. То одно, то другое правительство вдруг ставило палки в колеса; нужно было снимать проблему, устранять недоразумения. Гуверу приходилось не однажды пересекать Английский канал в обоих направлениях, ибо, уладив вопрос с одной стороной, следовало о чем-то договориться с другой. Так что первым «челночным дипломатом» был вовсе не Генри Киссинжер, а Герберт Гувер.

Награду бельгийского короля Гувер отклонил — по смирению духа. Но общественное признание не отверг: принял специально для него изобретенный титул «Друга бельгийского народа» и звание почетного гражданина Брюсселя. Уступил и настоятельным увещеваниям французов — стал кавалером ордена Почетного легиона.

6 апреля 1917 года Америка объявила войну Германии. В тот же день президент Вильсон послал Гуверу телеграмму с просьбой вернуться в Соединенные Штаты. Война породила нехватку продовольствия. Франция, Англия и Германия ввели продовольственные ограничения, Россия установила максимум цены на хлеб. Американское правительство не хотело прибегать ни к тому ни к другому — американцы не любят вмешательства государства в частную жизнь. Следовало изобрести государственную структуру, которая не принуждала бы граждан, а добивалась их добровольного согласия и участия в работе. «Централизованные идеи и децентрализованное исполнение» — любимая формула Гувера.

Созданная распоряжением президента Продовольственная Администрация Соединенных Штатов (USFA), действуя на основе американских принципов, должна была создать стимулы к расширению производства продуктов питания, распределять их и сохранять. Главой этой организации мог быть только Гувер — более него не подходил никто.

Гувер выбрал путь, который позволял достичь цели без шума, крика и запретов, незаметно заставляя производителей, посредников и потребителей двигаться, так сказать, в правильном направлении. Некоторые поставщики или торговцы необоснованно повысили цены? Местные газеты печатают их имена с ядовитыми комментариями, сравнительные таблицы цен и т. п. И, представьте, «распубликация» действует, неприятно потерять реноме, а с ним и покупателей. По предложению Гувера создается корпорация централизованной закупки зерна. Она платит за бушель пшеницы на 20 центов выше средней цены, но больше плату не меняет — по существу, это косвенный контроль цен.

«Экономия победит дефицит! Продукты победят войну!» — лозунги широко развернутой пропаганды. В ней было немало лести народу, единственному, мол, способному на консолидацию в высших интересах. Единственный или не единственный, но американцы показали способность к коллективному, целенаправленному действию. Гувер обратился к женщинам-домохозяйкам. Он призвал сократить потребление на 15 %, уменьшить отходы, использовать каждый грамм продуктов. Мы должны обеспечить полноценным питанием наших парней, сражающихся в Европе против врага! В июле 1917 года в стране прошли шествия девушек и девочек-скаутов, «армии сохранения продовольствия». Они несли транспаранты: «Рыба и овощи заменяют мясо и хлеб!», «Среда — без мяса, понедельник — без хлеба!», «Патриотический картофель!». Гувер обращался с экранов кинотеатров к «духу самопожертвования и самоограничения», с церковных кафедр взывали к прихожанам священники. На тысячах окон появились наклейки: «Здесь живут волонтеры USFA. Мы готовим себе скромную пищу по рекомендациям USFA».

Гувер добился цели. К концу года стало ясно, что продовольствия достаточно и для народного потребления, и для американской армии, и для поставок странам Антанты.

Война нанесла огромный ущерб большинству стран Европы. 7 ноября 1918 года Вильсон поручает Гуверу трансформировать USFA в ARA — American Relief Administration, Американская организация помощи (Европе). Конгресс выделил на эти цели 100 млн долларов только в конце февраля 1919 года; но как и 4 года назад, в случае с Бельгией, Гувер начал действовать тотчас, не дожидаясь формальностей. Он немедленно отправляет в Гибралтар 140 тыс. тонн продовольствия из военных запасов и отплывает во Францию.

Пока четыре правительства Антанты что-то спланируют,

полагал Гувер, спасать будет некого. Кроме того, он, как известно, вообще был категорическим противником вмешательства государственных структур в добровольные усилия. Поэтому, с самого начала присутствия ARA в Европе, Гувер поставил себя над европейскими правительствами, не допуская их участия в распределении американского продовольствия.

Первая миссия ARA открылась в Варшаве в январе 1919 года. В течение нескольких последующих недель миссии заработали повсюду, от Хельсинки и Копенгагена до Триеста и Салоник, вплоть до Еревана. Продукты шли из излишков продовольствия, накопленного, между прочим, при участии гуверовской USFA. Давние сотрудники Гувера по CRB, новые люди, работавшие в USFA, возглавили представительства ARA. Десятки американцев управляли потоком помощи, сотни местных добровольцев раздавали продукты.

Более половины выделенных Конгрессом средств ушло на оплату поставок в Польшу. «Русская» Польша, то есть большая часть этнической Польши, вынесла почти четырехлетнюю германскую оккупацию, и ввиду тяжелейшего положения страны Гувер сам приезжал в Варшаву. Воображение американцев было увлечено Польшей, страной, раздавленной тремя империями-хищниками — Россией, Пруссией и Австрией. Особенный энтузиазм в США возбудило назначение премьер-министром Игнация Падеревского, знаменитого пианиста и общественного деятеля, любимца американской музыкальной публики. В Польше это назначение вызвало фурор: как мог президент Пилсудский, человек с диктаторскими замашками, назначить главой правительства либерально настроенного Падеревского? Легенда приписывает невероятность факта давлению Гувера — впрочем, отчего легенда? Легко верится — воля и настойчивость Гувера приводили его и к более трудным победам.

Дети были приоритетом Гувера и ARA, им помощь оказывалась прежде всего. Польские дети нуждались больше других, и число их было велико. Для них открыли тысячи столовых, пунктов раздачи продуктов и одежды.

И поляки превозносили Гувера, как святого.

К Пасхе массовым тиражом была выпущена почтовая открытка. Портрет Гувера обрамлен мощным лавровишневым венком, по которому поднимаются ангелочки. Стоящая на переднем плане мать в молитвенном жесте протягивает к портрету дитя, другая девочка тянет ее к портрету за платье. Лубочная картинка? Возможно, но и лубок может выражать неподдельное чувство, а в нем сомневаться не приходится, стоит лишь взглянуть на фотографии тех лет. Вот девочки лет 10–13

окружают Гувера, одни держат его руки, другие — под руку, и видно, что они держатся за него как за спасение. Вот взрослые женщины стоят с Гувером, их лица изможденны, неулыбчивы, но взгляды, обращенные к нему, красноречивы — тут и благодарность, и обожание, и надежда.

Официальная Польша оказывала Гуверу всевозможные знаки почитания. Он был избран почетным доктором Ягеллонского, Варшавского и Львовского университетов, Пилсудский направил ему специальное послание, его именем назвали площадь в Варшаве. В 1922 году на площади воздвигли памятник благодарности Соединенным Штатам: женская фигура, символизирующая Америку, держит на плечах двух младенцев. Монумент особыми художественными достоинствами не отличался, но признательность выражал. Во время Второй мировой войны памятник погиб и коммунистическими властями не восстановлен.

К лету 1919 года деньги Конгресса стали иссякать. В июле Гувер отправился в Нью-Йорк. Устроил несколько банкетов на Уолл-стрит; входной билет стоил 1000 долларов. На бумажных тарелках — рацион польского ребенка стоимостью 22 цента. Во главе стола восседал Гувер, рядом с ним на столе — кресло со свечой в канделябре, символ «невидимого гостя» из Европы. Гувер везде произносил примерно одну и ту же краткую, но выразительную речь, она имела материальный успех: он собрал 30 млн долларов пожертвований.

Подвижнический, беспрестанный труд Гувера с 1914-го по 1919 год, спасение 120 тыс. американцев, 11 млн бельгийцев и французов, несчитанных миллионов жителей Центральной и Южной Европы достоин вечного поминания. Но, если вдуматься, странно устроен мир: организаторы войн, пособники смерти впечатляют куда сильнее и тем помнятся дольше, чем больше убили и разрушили, а истинные герои бесследно исчезают из памяти человечества на другой день.

Он в самом деле сильно устал за 6 лет непрерывной работы без отдыха.

В конце 1919 года, вернувшись в Америку, он уехал в Пало Алто и объявил, что не будет подходить к телефону, выступать перед публикой и читать письма длиннее страницы.

Но темперамент скоро взял верх, и Гувер вернулся в Вашингтон. Друзья устроили ему торжественный завтрак и призвали выставить свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах. Он и сам подумывал об этом. Но с кем идти, кем идти? Республиканцем или демократом? Он не

принадлежал ни к какой партии, но в 1909 году вошел в республиканский клуб в Нью-Йорке. Когда Вильсон назначил его Главным администратором продовольствия и одним из восьми членов Совета обороны, Гувер вышел из клуба.

Герберт Гувер был в полном смысле человеком из народа и считал любой труд достойным честного вознаграждения. В марте 1920 года в письме президенту он рекомендует установить часовой минимум оплаты, 48-часовую рабочую неделю, запрет детского труда, равную оплату труда женщин и мужчин. В выступлении в Бостонской торговой палате он призывал к гуманизации производства: «Рабочие — это не только рабочая сила, но живые люди с человеческими инстинктами и социальными желаниями». Выступая на промышленной конференции, напоминал, что «время, когда хозяева могли действовать самоуправно, исчезло». Но контроль промышленности, введенный Вильсоном, отчасти перешедший в регулирование, вызывал у него отторжение. Вмешательство государства в бизнес было для Гувера абсолютно неприемлемо. Не нравилось ему и втягивание Соединенных Штатов в дела Европы и мира, чем последние годы отличался Вильсон.

Образ бескорыстного борца за выживание народов, блестящего организатора и искреннего моралиста-практика, безукоризненная репутация делали его привлекательным для обеих партий. Видные демократы предлагали поддержку в номинации. Франклин Рузвельт писал: «Он несомненное чудо, мы должны сделать его президентом, никто не может быть лучше него». Вся демократическая пресса поддерживала его кандидатуру.

Но он колебался. В стране возникали социальные неурядицы, забастовки, расовые коллизии. Сброс военного производства, демобилизация миллионов молодых мужчин застали правительство совершенно не готовым к решению возникших проблем. Зимой 1919–1920 годов в Сенат дважды вносился на ратификацию Версальский договор и оба раза отвергался. Гувер понял, что на предстоящих выборах демократы обречены на поражение.

Но и к республиканцам не очень лежала его душа, разве только к их прогрессивному крылу. Гуверу требовалась идеальная партия, и если ее не было, ее следовало изобрести.

30 марта 1920 года он публикует декларацию. «Если республиканская партия соберет демократические элементы, к которым я безусловно принадлежу, и примет дальновидную, либеральную конструктивную позицию по Версальскому договору, и если она предложит разумные социально-

экономические меры и не допустит приближения к нашей великой экономике ни реакционеров ни радикалов, я поддержу эту позицию. Я не ищу номинации. Но если бы возникла настоятельная необходимость и от меня потребовалось бы общественное служение, я не откажусь от него».

«Нью-Йорк таймс», разочарованная отказом Гувера стать под демократическое знамя, отнеслась к его заявлению саркастически. «Гувер сказал Республиканской партии, что он хотел бы принадлежать ей, если она будет такой партией, к которой он хотел бы принадлежать. И что если он будет принадлежать ей, то хотел бы управлять ею беспрекословно».

Реакции топ-менеджмента республиканцев не последовало, и, казалось, на президентских амбициях можно было ставить точку. Но Гувер бросает на чашу весов свой престиж и выходит на праймериз Республиканской партии в Калифорнии. Получает третье место, участвует в праймериз еще в нескольких штатах, в целом по стране занимает четвертое место. На конвенте в Чикаго «галерка» отчаянно поддерживала «народного кандидата», и потребовалось несколько баллотировок, прежде чем комитет партии добился номинации на пост президента твердого республиканца Уоррена Гардинга.

Гардинг отдавал должное тому, кто считался «важнейшей фигурой, появившейся в Вашингтоне во время войны». Он немедленно предложил Гуверу пост министра торговли.

Приняв пост, Гувер приступил к реорганизации министерства, сделав его, по существу, министерством экономического развития. Возникли новые отделы: бюро стандартов, бюро переписи, статистики, радио, аэронавтики, внешней торговли, жилищного строительства. Он отобрал у министерства внутренних дел департамент общественных дорог и геологическую службу, у министерства финансов — бюро таможенной статистики и патентное бюро, у министерства труда — бюро рабочей статистики.

Объединенное бюро статистики проводило исследования внутреннего и внешнего рынка, собирало, обрабатывало и распространяло массу сведений. Каждое утро на столах бизнесменов появлялись пресс-релизы, проспекты: опыт использования изобретений, новых технологий, результаты научных исследований, разнообразная информация. Министерство издавало еженедельники: «Индекс экспортеров», «Что хочет мир», «Продовольствие в мире», ежемесячник «Внешняя торговля», ежегодный «Торговый отчет» и прочее.

Специалисты бюро стандартов с цифрами и примерами в руках демонстрировали выгоду применения стандартизации. В

этом случае Гувер решился отступить от принципа «рекомендовать, но не навязывать». Стимулом внедрения стандартов стали правительственные заказы: продукция, не соответствующая стандартам, отвергалась.

«Когда я еду в автомобиле или слушаю радио, меня не задевает, что и другие имеют автомобиль или радиоприемник, подобные моим, — отвечал Гувер ревнителям кустарничества. — Стандарт позволяет мне иметь современные удобства за умеренную цену».

Бюро внешней и внутренней торговли было уполномочено «продвигать, направлять и защищать американскую экономику и торговлю» по всему земному шару. Число его представительств за границей возросло с 23 до 58. По их рекомендациям, например, автомобильные компании создали в разных странах центры обслуживания своих машин, что привлекло покупателей и увеличило число продаж.

Первые послевоенные годы были трудными. Колесо американской промышленности к концу войны крутилось с невероятной энергией и было остановлено вдруг. Конверсия вызвала спад производства, сокращение занятости; масла в огонь добавила демобилизация миллионной армии. Наиболее жадные и безответственные хозяева начали уменьшать заработную плату. Отношения работодателей и рабочих накалились, локауты чередовались с забастовками. Опасная обстановка сложилась в угольной и стальной отраслях. Заниматься «отношениями труда и капитала» президент поручает не министру труда, а министру торговли. Выступив посредником, Гувер увидел неправоту предпринимателей и предложил Гардингу заставить их уступить рабочим. «Угольные свиньи» (слова Гувера) побежали к министру финансов Меллону, одному из самых богатых и влиятельных людей Америки. И Гардинг отказался от давления на промышленников.

Гувер взял реванш в деле Американской стальной корпорации (US Steel Corporation). Ее владелец Элберт Гэри держал в своих руках 80 % стального рынка, «улыбаясь, как акула», когда ему напоминали об антитрестовских законах. Компания принуждала рабочих к 12-часовому труду 7 дней в неделю. Оглядываясь на могучего монстра, компании помельче держались той же потогонной системы. Эта эксплуатация оскорбляла веру Гувера в американскую справедливость. Два года он пытался убедить руководителей USSC в гибельности для обеих сторон порядков XIX века. Не помогало. Как в случае с угольными баронами, Гардинг пригласил в Белый дом стальных королей.

Вежливые ответы и стальные взгляды. Гувер созвал пресс-конференцию, осуждал «грубый индивидуализм», отсутствие социального сознания у менеджмента USSC. Никакой реакции. С Гэри встретился председатель Торговой палаты Барнэс и вручил ему письмо президента, подготовленное Гувером. Что-то надломилось, появились обещания… И наконец Гувер нанес coup de grace[1]: против «индустриалов» выступила авторитетнейшая организация, Совет американских церквей. И Гэри сдался: он согласился установить в корпорации 8-часовой рабочий день с одним выходным. Немедленно отозвались и другие фирмы: с 1923 года 48-часовая рабочая неделя стала в США повсеместной.

В 1921 году, когда Гувер только стал министром торговли, в России произошло событие, на которое он не мог не откликнуться.

Хаос Гражданской войны уже к концу 1918 года привел к резкой нехватке продовольствия. В январе 1919 года большевики вводят продразверстку — обязательную сдачу крестьянами зерна, а с 1920 года — и всех остальных продуктов. Продразверстка быстро превратилась в конфискацию, отбиралось все зерно, включая семенное. Началось стремительное сокращение посевов. В ряде районов голод возник уже с осени 1920 года, когда военный коммунизм проявился в наиболее жестоких и отвратительных формах. То, что народу грозит массовый голод, стало ясно в начале 1921 года, и засушливое лето, на которое потом ссылались власти, только увеличило территорию бедствия, но отнюдь не было первопричиной. Осенью голод охватил 35 губерний Поволжья и Урала с населением 90 млн человек; почти половина из них голодала.

13 июля с письмом к миру обратился Максим Горький. Он призывал «честных людей Европы и Америки не допустить гибели миллионов». Первым откликнулся Гувер, он выразил готовность немедленно оказать помощь силами ARA. Но требовалось договориться об условиях работы. Дело в том, что Гувер имел опыт контакта с большевистским руководством еще в 1919 году. Он уже тогда предлагал помощь, но на тех же основаниях, что и в других восточноевропейских странах, — при полной независимости ARA, чего Ленин, конечно, вынести не мог. А Гувер, как известно, никакого контроля не переносил, тем более большевистского.

Отношение Гувера к большевистскому перевороту, к большевикам — тема весьма любопытная. Разумеется, он был решительным врагом большевизма — квакер не мог оправдывать насилие ни при каких обстоятельствах. «Они прибегли к террору,

кровопролитиям, убийствам в масштабах, забытых самыми реакционными тираниями», — сказал Гувер в беседе с Вильсоном в Версале. Он был упорным, непримиримым и долговременным противником признания большевистской власти.

При этом он видел историческую перспективу. Царский режим вызывал у него отвращение, и февральскую революцию он воспринял как необходимость и надежду. Еще в декабре 1917 года он ожидал «увидеть расширение прав русских рабочих во владении собственностью». Он никогда не соглашался с идеей интервенции, вмешательства в Гражданскую войну; в письме к Вильсону 28 марта 1919 года он писал: «Нельзя отрицать, что качание маятника общественного развития от тирании крайне правого к тирании крайне левого толка обусловлено реальными отношениями в обществе. Меры, принимаемые большевиками, — естественное насилие со стороны невежественной массы, народа, который на протяжении многих поколений страдал от тирании и насилия. Наш народ, наслаждающийся свободой и благополучием, не может в какой-то мере не сочувствовать этому блужданию впотьмах в поисках лучшего социального строя».

Но власть и народ в его глазах не сливались. Не принимая советскую власть, он считал необходимым прийти на помощь народу. Когда кто-то сказал, что помощь ARA поддерживает большевиков, Гувер немедленно отреагировал: «Двадцать миллионов людей голодают. Независимо от политики — им надо есть!»

Понимая, с кем придется иметь дело, Гувер решил составить договор, изложив в нем порядок взаимодействия и обязанности сторон. Предложенный Советам контракт был выдержан в твердых тонах. Никакого вмешательства в работу ARA. Распределяют продукты американцы с помощью русских сотрудников, выбранных американцами, советские власти осуществляют перевозки внутри страны, предоставляют помещения. И еще одно требование: выпустить из тюрем всех находящихся там американцев.

Получив сей «наглый» текст, Ленин пришел в неистовство; это видно по записке, посланной им в Политбюро, — человек просто захлебывался от злости: «Подлость Америки, Гувера и Лиги Наций сугубая — надо наказать Гувера, публично дать ему пощечины, чтобы весь мир видел, и Лигу Наций тоже». Соратники, привыкшие к кликушеству вождя, вздохнув, объяснили перегруженному работой Ильичу, что деваться некуда — как ни ненавидела верхушка большевиков крестьянство, как ни издевалась над ним всячески, но обречь на смерть миллионы решиться не могла. Не потому, что проснулось в них нечто

человеческое, а потому, что вместе с деревнями погибли бы города и оказался бы Ленин с компанией в выжженной пустыне. Приходилось соглашаться на все «подлые» условия.

Переговоры шли в Риге. 20 августа договор был подписан, и в Петроград из Нью-Йорка отправился пароход с 700 тоннами продовольствия. 6 сентября в Петрограде открылась первая столовая для детей (договор предусматривал питание 1 млн детей).

В течение осенних месяцев 1921 года деятельность ARA распространилась по всем голодающим губерниям. Зимой в столовых ARA питалось 570 тыс. детей до 14 лет. Но голод все усиливался, он косил все возрасты. В декабре Конгресс США по настоянию Гувера выделил на помощь голодающим в России 20 млн долларов, о чем Гувер телеграммой немедленно уведомил Москву. 30 декабря наркомвнешторг Красин подписал в Лондоне дополнительное соглашение, «О питании взрослого населения». Советское правительство, теперь оценившее масштаб трагедии, обязалось передать ARA 10 млн золотых рублей. Деятельность ARA расширилась. На пике активности, в августе — сентябре 1922 года, питание получали около 10 млн человек.

«Административный персонал ARA состоит приблизительно из 200 американцев, под ведением которых работает около 80 000 русских. Они заведуют 15 700 столовыми и распределительными пунктами и кормят около 3 250 000 детей и 5 300 000 взрослых — всего около 8 550 000 человек», — докладывал Гувер президенту Гардингу 10 июля 1922 года. Примерно 265 000 человек получали продовольствие от американского «Общества друзей» (квакеры), 660 000 — от европейских организаций. По рижскому договору американцы могли посылать в Россию продовольственные и вещевые посылки. За 2 года американцы отправили более 100 тыс. продуктовых посылок и 42 тыс. вещевых. Это была в самом деле народная помощь — посылки отправляли рабочие, служащие, фермеры. Участвовали в кампании герл-скауты, руководимые Лу Гувер. Девочки штата Массачусетс собрали 1072 доллара, купили 107 посылок и отправили их в разные миссии в России, «чтобы они были розданы самым голодающим детям». Только за первый год работы ARA ввезла в Россию 790 тыс. тонн продовольствия. По разным оценкам (достаточно близким), американцы и европейская «Нансеновская миссия» спасли не менее 5 млн жизней.

В 1922 году Фритьофу Нансену была присуждена Нобелевская премия мира — «За многолетние усилия по оказанию помощи беззащитным». Премия совершенно заслуженная, но нельзя не задаться вопросом: отчего Нобелевская

премия не присуждалась Гуверу? Благородный Нансен явно чувствовал неловкость. В Нобелевской речи он дал Гуверу восторженную оценку: «Прежде всего я должен упомянуть об огромной работе, проделанной американцами под руководством Герберта Гувера. Когда-нибудь их великий труд будет полностью описан, и эта светлая страница в истории человечества и человеколюбия засияет, как яркая звезда в долгой и темной ночи».

Зимой 1923 года голод немного отступил, и местные власти стали настаивать на закрытии кухонь и прекращении посылочной кампании. К лету 1923 года деятельность ARA в России была свернута.

В 1922 году Гувер решил объяснить urbi et orbi, как устроена, на чем основана американская социальная система, американский образ жизни. «Американский индивидуализм» — так назвал Гувер свою небольшую по объему, но насыщенную книгу.

Я взял римское выражение не ради красного словца. Целью Гувера был не теоретический трактат для высоколобых, а популярное изложение основ американской социальной жизни для рядовых граждан. Собственно и индивидуализм как фундаментальное американское понятие он не изобретал. Термин вошел в оборот со времен отцов-основателей, а Алексис де Токвиль, автор знаменитой «Демократии в Америке», применял его для объяснения многих сторон американской действительности. Но Гувер придал индивидуализму абсолютное значение, без него Америка просто не состоялась бы.

«За триста лет истории Америки идеалы индивидуализма стали идеалами прогрессивного индивидуализма», — утверждает Гувер. Эгоистические устремления «экономического человека свободного рынка» (определение Адама Смита) получили на американской почве прививку моральных установок, принесенных переселенцами вместе с протестантской верой. Американское общество избежало наследия европейского феодализма, американское общество не знало сословности, вертикальная мобильность никогда не замораживалась предрассудками. Важнейшая сторона американского индивидуализма — принцип равных возможностей. «Наше общество построено достижениями личностей, и мы охраняем равенство возможностей для каждого. Каждому человеку предоставлена возможность занять место в обществе, соответствующее его интеллекту, характеру и способностям. <… > Мы готовы стимулировать усилия любого члена общества для

достижения поставленной им перед собой цели. Мы будем приветствовать соревновательный дух».

Любая идея, становясь тотальной, теряет человечность. «Буйный индивидуализм, не сдержанный определенными принципами, может породить долгую цепь тирании, неравенства и несправедливости. <…> Мы отвергли laisses faire[2] XVIII века с его лозунгом „Каждый для себя, и пусть дьявол заберет отставших“. Мы отказались от него, когда приняли идеал Авраама Линкольна: „Равный шанс на жизненном пути“. Мы отказались от него <…>, ибо знаем, что и слабые вкладывают свой кирпич в социальное здание, знаем, что бегущие впереди не всегда лучше отставших, и знаем, что социальная несправедливость разрушает общество». Принцип равных возможностей, утверждает Гувер, не совместим с господством, доминированием каких-либо групп, будь то корпорации, профсоюзы или правительство. «Мы питаем отвращение к автократии. Мы не спорим с ней, мы боремся с ней. Наша система — не капитализм, социализм, синдикализм или их сочетание. Как и большинство американцев, я отказываюсь классифицировать ее с помощью слов „капитализм“, „плутократия“, „пролетариат“, „класс“ или им подобных, основанных на вознесении одних групп над другими. Высочайшая и драгоценнейшая социальная сила, сформировавшая наше общество, опора нашего стремления к счастью — американский индивидуализм. Он — в сердце и разуме, он — душа прогресса». На такой ноте заканчивает вступление автор.

Подобно пантомиме, предваряющей пьесу, вступление прочеркивает основные идеи книги. Далее доктрина углубляется и расширяется, обрастает доказательствами и примерами, автор рисует состояние американской социальной системы и ее будущее. Книга оптимистична от первой до последней строки. Неудивительно, ведь она написана человеком, чья деятельность демонстрировала непрерывные победы индивидуализма. Написана в начале эпохи просперити, невиданного роста американской экономики. Да, «наша система полна недостатков, и каждый разумный человек должен стремиться к их устранению. <Но это не означает>, что наши идеалы недостижимы.

И если есть миллион детей, недоедающих, тяжело работающих, необразованных, лишенных детства, и нам скажут, что миллион — это слишком много, то мы скажем, что 34 миллиона детей, живущих нормальной жизнью, есть доказательство того, что система работает, что есть силы, работающие над тем, чтобы и этот миллион присоединился к ним».

Оптимизм — свойство натуры, здоровой физически и нравственно, оптимизм присущ человеку действия, каковым до последней черты был Гувер. Его оптимизм настоялся на простой истине: упорный труд — вознаграждается. (Гувер любил удить рыбу. «Это занятие для оптимистов, — говорил он, — пессимисту не быть рыбаком».)

По юго-западным склонам и ущельям Скалистых гор весело мчится река Колорадо. Ее бассейн раскинулся по семи штатам: Колорадо, Аризона, Вайоминг, Нью-Мексико, Невада, Юта, Калифорния. На всем протяжении река необычайно живописна: течет по глубоким каньонам, образует озера, скользит по водопадам. Колорадо многоводна и своенравна: бурный весенний паводок часто вызывает половодье на равнинных местах. Кажется, сама природа велит строить здесь плотины.

В начале 1920-х семь штатов решили, что время строительства пришло. Они организовали комиссию из представителей штатов, но дело не двигалось с места: члены комиссии перессорились, распределяя между собой квоты на будущие воду и энергию. В 1922 году Гувер попросил президента Гардинга назначить его медиатором в эту комиссию. Приехав на очередное заседание, он увидел, что ничего путного не получится, и объявил, что распускает комиссию. «Ибо вы те люди, — сказал он членам, — которые только и способны, что убить петуха Робина».[3] Он составил «Конвенцию реки Колорадо» и добился ее подписания. Местом стройки был выбран каньон на границе между Аризоной и Невадой. Но из-за задержки финансирования строительство началось лишь в 1931 году (закончилось в 1936-м). Электростанция плотины Гувера долго была самой мощной в мире.

Миссисипи еще больше, чем Колорадо, подвержена весенним разливам. Наводнение 1927 года стало катастрофой. Под воду ушли миллионы акров земель, полмиллиона человек лишились крова. Хотя ликвидация этого бедствия «не проходила по ведомству» Гувера, губернаторы шести штатов бассейна Миссисипи просили послать к ним именно его. Сначала Гувер направился в Чикаго; на деньги, выделенные фондом Рокфеллера, собрал продукты, нагрузил 600 судов. Корабли ушли вниз по Миссисипи. Перед отъездом на Юг, помня, что денег всегда не хватает, Гувер обратился к чикагской финансовой элите с предложением следовать примеру Рокфеллера. Банкиры, видимо, не расслышали обращения, и последовало приглашение встретиться. Гувер принял их в дорожном костюме и коротко сообщил, что, если к отходу его поезда с чикагского вокзала денег

не будет, обратным поездом к ним приедет очень большая группа бедствующих. Чеки на 5 млн долларов были тут же выписаны.

В спасательных работах участвовали местные власти, береговая охрана, инженерные службы, добровольные помощники, белые и черные; последних Гувер привлекал особенно активно. (Афроамериканцы оценили это; на выборах 1928 года они составили большой электорат Гувера.) Гувер имел полное право сказать: «Я полагаю, что мог бы позвать на помощь армию, но это было бы ни к чему: я позвал на помощь Главную Улицу».

Он стал протагонистом драмы, за которой следили миллионы. Его имя не сходило с газетных полос. Популярный в 1920-е годы писатель Шервуд Андерсон заметил: «Кажется, перед нами человек, который никогда не совершал ошибок». Один из первых биографов Гувера, Уильям Ирвин, писал: «Я следовал за Гувером по Европе, наблюдал его великую работу, но остаться в памяти людей он должен таким, каким я видел его на вибрирующей защитной дамбе под Новым Орлеаном. В небе кружился его разведывательный аэроплан, группа первых лиц окрестных штатов вокруг него с трепетом внимала его кратким указаниям. Эта сцена незабываема — один спокойный человек среди гудящего водного потока, transmuter (превращатель) альтруизма в благотворительную акцию».

Гувер снискал популярность в массе людей не только умением повелевать, не унижая, не только сердечной отзывчивостью на горе и бедствия, но и презрением к популистским жестам, свойственным большинству политиков. Он был идеалистом в лучшем смысле этого слова — он верил в примат моральных ценностей. И люди верили в его искренность, верили в правду его стремлений к взвешенному, социально ориентированному прогрессу.

Он мог смело баллотироваться на президентский пост, успех был гарантирован.

В 1927 году президент Кулидж объявил, что не станет выдвигаться на следующий срок. Путь наверх был свободен, более популярного кандидата, чем Гувер, боссам Республиканской партии искать не приходилось. Конвент Великой Старой Партии избрал его своим кандидатом в первом же раунде голосования. Вскоре Гувер приехал в Стэнфорд. На университетском стадионе его встретили оглушительные крики и приветствия тысяч преподавателей и студентов. Отвечая, он сказал: «Ни в какой другой стране не мог бы деревенский мальчик без наследственного состояния или влиятельных друзей смотреть

вперед с безграничной надеждой. Вся моя жизнь показала мне, что значит Америка. Я в таком неоплатном долгу перед моей страной, который невозможно возместить никакими человеческими силами».

В день выборов он находился в Пало Алто. С утра, в окружении жены и сыновей, на черной классной доске в гостиной своего дома он стал отмечать мелом ход голосования, о котором сообщало радио. В 7:30 вечера по калифорнийскому времени радио подвело итог. Гувер просто разгромил демократического кандидата Алфреда Смита, получив 444 выборщика из 531. Это был второй результат в истории президентских выборов.

Тут же он услышал гром приближающегося оркестра. Семьдесят трубачей, флейтистов и барабанщиков под взмахами короля маршей Джона Суза во всю силу щек и рук играли «Звезды и Полосы». За ними шли выпускники Стэнфорда в сопровождении огромной толпы студентов. Все это гремело, ревело и плясало.

Газеты захлебывались славословиями. «Предстоят прекрасные 4 года процветания!», «Гувер расчищает горизонты каждому человеку!», «Инженер, ученый-практик, податель милосердия голодным и бедным, администратор, государственный деятель, великодушный благотворитель» и даже «милейший сосед». «Он гений, он наиболее способный и успешный ныне живущий американец»… «Джордж Вашингтон был замечательным президентом, — писала калифорнийская „Лос-Анжелес Таймс“, — однако у него не было тренировки и опыта Герберта Гувера».

В несколько предшествующих лет Америка, казалось, погрузилась в эру невиданного благополучия. Росли доходы, люди стали свободнее тратить деньги, в том числе и на новые предметы широкого потребления, потоком хлынувшие на рынок. Расширялось производство, безработица почти исчезла. Избранному президенту 54 года, он в самом расцвете сил, люди уверены, что нет ничего, что ему не подвластно. В январе 1929 года, за два месяца до инаугурации, Гувер говорил редактору «Крисчен Сайенс Монитор»: «Я не опасаюсь обычной, рутинной президентской работы. Я страшусь преувеличенных надежд народа, вообразившего, что я могу все. Они убеждены, что я некий супермен, что моим возможностям нет предела. Если какое-нибудь беспрецедентное бедствие обрушится на нацию, я буду жертвой неразумных представлений, ожидающих от меня слишком много».

Президент, только войдя в Белый дом, немедленно развил бурную деятельность. Запретил эксплуатацию нефтяных скважин на общественных землях; министру юстиции велено было

перестать делать вид, что гангстеризма не существует. Был арестован и судим Аль Капоне, убийца и главарь мафии, за ним ворох его бандитов. Полную предложенную президентом пенитенциарную реформу Конгресс, пожалев деньги, не утвердил, но построенные новые тюрьмы (среди них знаменитый Алькатрас в заливе Сан-Франциско) и увеличение расходов на содержание охраны и заключенных принесли пользу тем и другим — случай редкий в истории. В июне Гувер выпускает билль

«О здоровье детей», соответствующая конференция под его патронажем, найдя, что 6 млн американских детей недоедают, рекомендовала запретить детский труд, учредила общественную службу помощи детям и Институт охраны детей. Территорию Национальных парков Гувер увеличил на 40 %. Объявил заповедными леса секвой в Калифорнии, запретил истребление мигрирующих птиц. Подписал закон — несмотря на вопли бизнесменов, — который расширял права профсоюзов. Для солдат-ветеранов выпустил ордера, предписывающие их прием на государственную службу. Конгресс отказался запретить суд Линча, несмотря на настояния Гувера, но где только мог президент защищал права этнических меньшинств. Невзирая на протесты своих финансистов, увеличил ассигнования Бюро по делам американских индейцев, с тем чтобы удвоить, утроить обеспечение их детей и построить современную больницу. Назначил специального советника в министерство труда по развитию бизнеса афроамериканцев. (Покупая в 1921 году дом в Вашингтоне, отверг пункт договора, который запрещал продавать дома евреям и неграм.) Но буря разразилась, когда Лу Гувер пригласила на чашку чая только что избранного в Палату представителей черного республиканца Оскара Де Приста. Три южные легислатуры приняли резолюцию с осуждением первой леди. Южные газеты кричали: «Лу Гувер осквернила Белый дом!» Президент сказал своей жене: «Пусть такой мир отправляется в ад».

Это беглое перечисление сделанного Гувером в первые дни президентства никак не согласуется с образом упрямого ретрограда, не желающего видеть ничего, кроме нужд бизнеса, не вяжется с репутацией, сфабрикованной его ненавистниками или людьми, связавшими с его именем Великую депрессию. Эти определения злобно подтасованы. Лондонская «Таймс» писала в некрологе 1964 года: «Его будут поминать как человека, которому отчаянно не повезло. В другое, нормальное время он стал бы великим президентом и принес бы своей стране успех и прогресс».

Причины страшной экономической и социальной катастрофы начала 1930-х годов многократно подвергались анализу. Естественно, суждения выдвигались разнообразные, в том числе и полярные. Одни сводились к уверениям, что имел место неизбежный циклический спад, разве что усиленный гигантски раскрученной экономикой и возросшей численностью населения, другие — что вина целиком лежит на свободной, бесконтрольной игре рыночных сил и на властях предержащих, преступно допустивших это безумие. Обе крайности, как обычно, не учитывают деталей, в которых «прячется дьявол».

Большинство держателей акций покупало их в кредит, платя при покупке 10 % стоимости. Остальное — в рассрочку, при непременном условии по первому требованию уплатить оставшуюся сумму. Золотой стандарт ограничивал денежную массу, сдерживал расширение производства и торговлю, жизнь пошла в кредит. Люди не тратили денег из кошелька, ментальные тормоза исчезли. Кредитная задолженность частных лиц достигла полутора десятков миллиардов долларов. В такой задолженности уже было нечто недоброе, и это ощутили многие; тогда упал эффективный спрос. За ним упали инвестиции и забуксовала промышленность. Биржа акций насторожилась, и испуг пошел лавиной: брокеры потребовали полной выплаты ссуд. Но необходимых сумм у акционеров не было, и они кинулись продавать свои акции. Вчера летевшие вверх, акции, как с трамплина, свалились вниз. Дальше — понятно. Экономический пузырь лопнул, и ядовитые брызги отравили страну. Под напором вкладчиков, изымающих деньги, обанкротились тысячи банков, закрылись кредитные линии малого и среднего бизнеса, сократилось производство, начались увольнения, люди стали предельно экономить, и продажи свернулись до насущных покупок. В этой цепочке каждое падающее звено увлекало за собой другое. Разорение настигло миллионы граждан, десятки тысяч фирм.

Финансово-индустриальные кризисы и раньше обрушивались на Америку: в 1837-м, 1873-м, 1893-м и 1907 годах. Ни правительства, ни законодатели ничего серьезного не предпринимали, и наследовать Гуверу было нечего. Да и сам он был убежден, что «экономика сама лечит свои раны», а вмешательство правительства даст эффект мольеровских лекарей. Более того, хорошо помнилось, что финансовую систему страны, в 1907 году впавшую в коллапс, спас не всесильный тогда президент Теодор Рузвельт, а частное лицо, Джон Пирпонт Морган, финансист, «владелец заводов, газет, пароходов». Богатейший банкир сохранил наличные средства и выдал

недорогой кредит коммерческим банкам. И Гувер, твердо веря в спасительность добровольных усилий, побуждает главные банки создать консорциум — Национальную Кредитную Корпорацию, некую аналогию тогдашней системы Моргана. Он действует как инициатор и координатор, а не руководящий бюрократ. В середине ноября он собирает в Белом доме лидеров индустрии и финансов, агрикультуры и профсоюзов, губернаторов. Он заклинает предпринимателей снижать производство минимально, сохранять уровень зарплаты, профсоюзы — не бастовать, не требовать невозможного. Убеждает железнодорожные компании продолжать расширение сети, Национальную Электрическую Ассоциацию — проводить намеченную модернизацию, советует губернаторам вложить средства штатов в строительство домов. Он призывал всех: успокойтесь, не впадайте в панику, это спад, не именуйте его депрессией. (Предвосхищая слова, сказанные следующим президентом, Франклином Рузвельтом: «Чего мы должны бояться — это страха».)

И «белые и синие воротники» послушались, последовали рекомендациям президента. Торговая палата объявила о создании 170 новых торговых объединений, Генри Форд доложил Белому дому, что увеличивает (!) зарплату своим рабочим.

Не вмешиваясь в управление экономикой, правительство приняло деловое участие в разрешении проблем. Конгресс выделил 150 млн долларов на общественные работы и снизил налог на доходы корпораций. Федеральная резервная система снизила учетную ставку по кредитам. А вот предложение ввести пособия по безработице президент отклонил. Мотив? Пособие уменьшит активность безработных в поисках работы.

Стало казаться, что кризис удастся разрешить весьма быстро и с малыми потерями. 5 декабря на очередном совещании четырехсот «первых лиц» президент заявляет, что ситуация начинает исправляться. В начале следующего, 1930 года рынок акций восстановился до соответствующих месяцев 1929 года. Тревожил лишь низкий уровень потребления.

И тут начинается серия крупнейших неудач и ошибок Гувера. Словно проклятье повисло над его масштабными мерами.

Для оказания помощи фермерам было создано Федеральное фермерское управление. Оно стало скупать у фермеров зерно, чтобы сдержать падение цен. Однако, не выдержав объемов, стало его продавать. Худшие последствия трудно вообразить. Затем вмешались природные силы. Два года подряд засуха и пыльные бури иссушали поля. Более 800 тысяч фермерских семей потеряли все средства к существованию, многие бежали в города,

возводя в предместьях «гувервилли» — укрытия, сколоченные из чего попало.

Огромные запасы непроданной продукции давили на рынок. В ходе предвыборной кампании Гувер обещал фермерам увеличить пошлины на импортное продовольствие. Проект закона встретил множество возражений, и Конгресс обсуждал его два года. Протекционизм приносил пользу неоперившейся экономике в прежние времена, защищая ее от иностранной соперницы, да и то не всегда. Но в глобальном мире такие меры уже были анахронизмом. Тем не менее в июне 1930 года Конгресс утвердил билль, и он поступил на подпись к президенту. На 20 тыс. товаров, в основном промышленных — сельхозпродукты прятались среди них крохотной долей, — пошлины возрастали почти вдвое.

Три дня ходил вокруг стола сумрачный президент, поглядывая на разложенные листы. Еще в мае более тысячи экономистов обратились к Гуверу, призывая его не подписывать билль. Генри Форд назвал повышение тарифов «экономической глупостью». Томас Ламонт, исполнительный директор банка Моргана: «Я почти упал на колени перед президентом, умоляя его применить вето». Госсекретарь Стимсон предостерегал: неизбежное сокращение внешней торговли разрушит международную финансовую систему. Пресс-секретарь, представляя президенту почту, заметил, что такой волны протеста еще не бывало.

17 июня Гувер подписал билль.

Французские газеты сравнили американский закон с блокадой; Европа не замедлила поднять свои пошлины. Ущерб — ничего другого скачок пошлин не принес, коллапс только усилился. Экспорт упал на 61 %, импорт — на 63 %. В первые месяц-два некоторые предприятия получили чуть больше заказов, но осенью все экономические показатели пошли вниз и надолго. Банкротство потерпели банки, связанные с внешней торговлей. Пошатнулись экономики Франции и Германии; и тут можно даже задаться вопросом: не помог ли Гувер — конечно, и в мыслях того не имея, — воцарению Гитлера?

Биографы разошлись во мнениях относительно гуверовских резонов в истории с тарифами. Одни вообще стараются ее обойти, другие ищут ответ либо в психологическом состоянии Гувера, либо в его отношениях с Конгрессом. Последнее утверждение не выдерживает никакой критики, ибо какие проблемы могут возникнуть у президента, чья партия имеет большинство в обеих палатах Конгресса?

То, что Гувер в начале 1930 года испытал стресс, — не

вызывает сомнения. Впервые за 35 лет его решения, его действия на протяжении более полугода — как удар в подушку: колоссальной силы замах вязнет в вате. На какое-то время он становится безучастен; сотрудники привыкли к его молчаливости, но сейчас они отмечают, что президент подолгу не роняет ни слова. А за решеткой Белого дома нарастает недовольство, президент теряет ореол счастливого человека, не знающего поражений. Один из биографов, Гарри Уоррен, выносит заключение: «Возможно, ничего более не нанесло ущерба репутации Гувера в первые два года <президентства>, нежели подписание этого тарифа».

Пытаясь сгладить неприятный эффект повышения тарифов, Гувер выпускает в следующем году меморандум о приостановке межгосударственных платежей: европейских долгов Америке и германских репараций Франции. Снова недовольство. Франция возмущена, протестуют американские держатели векселей.

Детище Гувера, Национальная кредитная корпорация, добровольное объединение банков, вяло выдает ссуды мелким банкам, не очень веря в возврат кредитов. Идея частных усилий капитала начала чадить. В 1932 году пришлось создать федеральную Компанию финансовой реконструкции (Reconstruction Finance Corporation, RFC), которая к концу года предоставила субсидий более чем на 2 млрд долларов.

Гувер долго верил, что сила частной инициативы не знает границ, реальность показала ее пределы. Экстремальная ситуация требовала иного подхода, на который Гувер пошел лишь в самый последний момент — на создание RFC, то есть на прямое участие государства в спасении народа, да и самого государства, перед которым брезжили социализм и фашизм. Начиналось самое опасное, самое страшное: общество погрузилось в оцепенение; оказалось, что психологическая депрессия во сто крат хуже экономической. Авторитет Гувера падал неудержимо.

В мае 1932 года к Вашингтону стянулось более 17 тысяч ветеранов Мировой войны, потерявших работу. В 1924 году им были назначены бонусы с погашением к 1945 году — ветераны потребовали немедленной выплаты. Им отказали, они расположились лагерем на улицах Вашингтона. Налет полиции они отбили. Тогда президент приказал начальнику штаба армии генералу Мак-Артуру ввести войска. Майор Эйзенхауэр, помощник генерала, советовал своему шефу лично не вмешиваться: не дело прямого потомка древнего шотландского рода воевать «с этими сукиными сынами»; но генерал не внял. Пехотный полк, поддержанный кавалерией и шестью танками майора Паттона, под водительством Мак-Артура взял лагерь

штурмом.[4] Ветераны ушли из города и остановились неподалеку. Уверяют, что Гувер приказал их больше не трогать, но Мак-Артур атаковал и этот лагерь. В ход пошли винтовки и слезоточивый газ. 55 человек ранено, 135 арестовано.

В истории Америки бывали куда более кровавые подавления протеста, но теперь Гуверу приходилось расплачиваться по высшему счету. Умер трехмесячный младенец, которого неразумные родители притащили с собой в лагерь. Газетка «Новости» вышла с аншлагом: «Эпитафия. Здесь лежит Бернард Майерс, трех месяцев отроду, убитый газом по приказу президента Гувера». «Вашингтон Ньюс»: «Что за презренный спектакль устроило американское правительство, самое могущественное в мире, разгоняя невооруженных мужчин, женщин и детей армейскими танками!»

Агитационная поездка Гувера в президентской избирательной кампании 1932 года явилась сущим кошмаром. В Детройте его встретили криками: «Повесить Гувера, повесить Гувера!» В Чикаго — плакатами «Кончать с Гувером, убийцей ветеранов!». В Нью-Йорке женщины скандировали: «Нам нужен хлеб!»

Гувер не имел, по существу, никаких идей, способных всколыхнуть общество. А его противник, губернатор штата Нью-Йорк Франклин Рузвельт демонстрировал успехи, удержав свой штат от глубокого падения, в котором влачилось большинство других штатов. Силы были явно неравными, и Гувер проиграл выборы еще более сокрушительно, чем выиграл 4 года назад: он потерпел поражение в 44 штатах из 48 и получил только 59 выборщиков при 472 выборщиках Рузвельта.

Еще 4 месяца он оставался в Белом доме. Он уже не предпринимал ничего серьезного. Через две недели после выборов пригласил новоизбранного президента и предложил ему сотрудничество. Разговора не получилось. Гувер отстаивал свои позиции, Рузвельт отмалчивался и улыбался. В день инаугурации Гувер по традиции сидел в автомобиле рядом с Рузвельтом и твердо смотрел вперед, ни разу к нему не обернувшись.

Он не мог более оставаться в Вашингтоне, где, кроме гнева и презрения ко всему окружающему, ничего не испытывал. Переехал в Нью-Йорк, поселился в фешенебельном отеле «Уолдорф Астория», в десятикомнатном номере, раскладывал пасьянсы, язвил «демонического Рузвельта» или лживых журналистов. Просматривал газеты; натыкаясь на очередные проклятия, отбрасывал их в сторону.

Его называли «лакеем Уолл-стрита», печатали интервью с «людьми улицы»: «Моя мать голодала по вине Гувера»; «Отец

потерял работу из-за Гувера»; «Бедные дети стали сиротами по вине Гувера». Он не только ничего не делал, чтобы остановить коллапс, он создал его! Депрессия теперь именовалась «Депрессией Гувера». В речах демократов Гувер выглядел ограниченным реакционером, оттенять успехи «белого рыцаря Рузвельта при черном коне Гувере» стало любимым занятием ньюдилеров.

Сквозь окна отеля не проникал шум улицы, да и улица с высоты тридцать первого этажа казалась игрушечной, но он все еще слышал жуткие крики, видел искаженные злобой лица, видел человека, который бросился на него и был в последний момент схвачен парнями его охраны. Он не ожидал такого потока ненависти. Все четыре года он нес тяжкую ношу заботы об общем благе, все силы разума и воли отдавал делу и считал избранный им путь выхода из катастрофы единственно правильным.

Он не находил себе места и в Нью-Йорке и в начале апреля уехал в Пало Алто, в свой дом в Стэнфордском кампусе. Здесь, в кругу друзей и пламенных сторонников он немного приободрился и принялся обличать новую администрацию во всех смертных грехах. Он не вдавался в сущностный анализ «Нового курса». В речах и статьях, в сборнике «Вызов свободе» утверждался только один тезис: Рузвельт ведет страну к социализму и фашизму. Его «программы превратят людей в автоматов, марширующих гусиным шагом под розоватым флагом плановой экономики. <… > Вместо нации, уверенной в своих силах, они продуцируют нацию попрошаек». Рузвельт не оставался в долгу, язвил Гувера при каждом удобном и неудобном случае и категорически отказывался привлекать его даже к делу, в котором тот имел непревзойденный опыт. Когда разгорелась Вторая мировая война, Рузвельту предложили назначить Гувера на пост руководителя мобилизационной экономики. «Я не Иисус Христос, — ответил президент, — и не собираюсь воскрешать Лазаря».

Помимо взаимной перепалки, никому не делавшей чести, Рузвельт пошел на шаг, уж совсем недостойный великого человека. Его министр внутренних дел Икес объявил, что Гувер не только не имел никакого отношения к плотине на Колорадо, носящей его имя, но и препятствовал ее строительству. Несмотря на многочисленные протесты, Икес распорядился именовать плотину Boulder dam, по названию каньона.

Поносимый на родине, в глазах Европы Гувер оставался великим гуманитаристом. В конце 1937 года в Стэнфорд приехал бельгийский посол и от имени короля Леопольда пригласил «друга бельгийского народа» и «почетного гражданина» посетить «приемную родину». В феврале следующего года толпы

бельгийцев на пути от Остенде до Брюсселя приветствовали своего спасителя. Университет Брюсселя присвоил ему степень honores causa, недавно открытому астероиду дали имя «Герберт». Занесло его и в Берлин. Гитлер пригласил его побеседовать, Гувер решил отклонить приглашение, но посол Хью Вильсон настоял на встрече. Гитлер, не дав собеседнику сесть, обрушил на него длинную антиеврейскую тираду. Гувер сел и сказал: «Достаточно. Ваши взгляды на этот вопрос меня не интересуют». Затем он прочитал фюреру лекцию об американской демократии, которую тот парировал сагой о диктатуре. К Герингу на охоту Гувер не поехал, но отправился на ланч к американскому послу — с английским и французским послами, германским министром иностранных дел Нейратом и председателем Рейхсбанка Шахтом. К чему вели эти встречи? К тому, чтобы выслушать издевательский тост Шахта «в честь протагониста консенсуса, человека с благородными идеями, который не довел свои идеалы до успеха из-за ошибок послевоенного времени»?

Он побывал в Вене, Кракове, Праге, Риге, Хельсинки. Овации, восторженные встречи, большая пресса, почетный доктор университетов французского города Лилля, Праги и Варшавы.

Поездка в Европу внесла в его душу некоторое умиротворение.

Репортерам в Сан-Франциско он сказал, что если войны не будет, то Соединенным Штатам придется примириться, что рядом с демократиями будут жить диктатуры, гитлеровская и сталинская. Их не собрать на одном пути, и нам не стоит ввязываться в европейскую кашу.

В феврале 1941 года американская разведка узнала, что Гитлер готовит нападение на СССР. Госсекретарь Халл доверительно сообщил об этом Гуверу. «Ну что ж, — отозвался Гувер, — это, быть может, спасет Британию. Мудрость советует нам воздерживаться от войны и далее и ждать, пока большие диктаторы сожрут друг друга».

Когда Рузвельт, через день после нападения Германии на СССР, объявил, что США будут оказывать России помощь по ленд-лизу, Гувер выступил по радио с резким протестом. «22 августа 1939 года, — напомнил он слушателям, — Гитлер и Сталин договорились уничтожить демократию

в Европе. Они напали на Польшу и расчленили ее. Сталин захватил Латвию, Литву и Эстонию, вторгся в Финляндию. Если мы пойдем дальше и победим, мы поможем Сталину в распространении в мире коммунизма».

Сегодня, когда мы знаем, какие страдания и гибель принес Гитлер сотням миллионов, кажется непостижимым, как можно

было продлевать хоть единый день пребывания его на земле. Но не забудем религиозных взглядов квакеров, которые отказываются от насилия даже в целях самозащиты, а в памяти Гувера к тому же остались процветающая довоенная Европа 1913 года и послевоенный хаос и нищета. Он относился к войне с ужасом и отвращением и не хотел, чтобы его народ, его страна были снова вовлечены в тяготы и бедствия.

Почти все шесть военных лет Гувер провел в Пало Алто. Еще в 1919 году он решил создать архив документов прошедшей великой войны. Начинать надо немедленно, по горячим следам, пока документы не разошлись и не потерялись. С парохода, который вез его из Франции в Америку, он телеграфировал в Стэнфорд: найти двух-трех толковых людей, сейчас же послать их в Европу, он выделит им 50 тыс. долларов. Экспедиция практически начала работу в 1920 году, когда сам Гувер принял непосредственное участие в «подборе кадров». Именно он нашел и принял на работу Франка Гольдера, выходца из России, который сумел заключить договоры о приобретении документов с двумя ключевыми фигурами противостоящих русских лагерей: с советским наркомом Луначарским и видным белым архивистом генералом Николаем Головиным. Долгое пребывние Гувера в Стэнфорде во время Второй мировой войны укрепило положение института и привлекло к нему многочисленных спонсоров.[5]

Смерть Рузвельта вернула Гувера в большую политику. Новый президент Гарри Трумен был одним из тех людей в США, которые соглашались с Гувером, что лучше бы «одна собака сгрызла другую» без того, чтобы Америка вмешалась в войну. В Вашингтоне о повороте гуверовской судьбы догадались не сразу, и, когда Трумен назначал адмирала Страусса руководителем комиссии по атомной энергии, адмирал честно сказал: «Знаете ли вы, господин президент, что я „черный“ гуверовский республиканец?» — «Конечно, я это знаю. Что касается Гувера… Вы можете не знать этого, но я отношусь к нему с высоким уважением. Я думаю, что он великий американец, и настанет день, когда он будет признан даже теми, кто ныне поносит его».

1 марта 1946 года, спустя 13 лет, Гувер вошел в Белый дом. Европа снова, как 28 лет назад, стояла перед катастрофой, и Трумен попросил «лучшего организатора борьбы с голодом» направиться в Европу и в Азию, ибо мир стал глобален во всех отношениях. «Вы знаете о голоде больше, чем кто-либо на Земле», — сказал президент.

В сопровождении четырех старых сотрудников ARA Гувер вылетел во Францию. Далее были Рим, Берлин, Варшава, Кипр,

Каир, Бомбей, Пекин, Токио и промежуточные станции. За 57 дней группа Гувера посетила

22 страны, он встречался с их лидерами и министрами, с командующими американскими войсками в Германии и Японии. В Риме беседовал с папой Пием XI, в Варшаве — с Берутом и Миколайчиком. Ему представили Гомулку (который потом стал польским руководителем) как одного из мальчиков, спасенных ARA в начале 1920-х. В Пекине он разговаривал с Чан Кайши, в Бомбее — с Неру и Ганди. В Токио 2 часа, без посторонних, шептался с генералом Мак-Артуром, командующим американской армией на Тихом океане. Им было о чем вспомнить и чем поделиться.

Работа шла каждый день, ибо собранные в одной стране сведения обрабатывались во время полета в другую страну. Никаких пустых дней, торжественных приемов, посещений и увеселений. Возвращение в Нью-Йорк через Гонолулу и Сан-Франциско обозначило окончание очередного кругосветного путешествия. Такой напряженной работы ему уже давно не выпадало, а ему было почти 72 года.

Полученные данные показали: даже при использовании всех собственных ресурсов бедствующим странам не достанет 11 млн тонн продовольствия. Расчеты, представленные правительству, определили масштабы необходимой американской помощи.

Немного отдохнув, в июне 1946 года Гувер, по просьбе Трумена, вновь сел в самолет и направился в страны Центральной и Южной Америки. Снова сбор сведений, затем нелегкая работа дома — уговоры законодателей, выступления по радио с призывами к американцам согласиться на необходимые расходы. «Голод висит над домами 800 миллионов человек, третью человечества, — говорил он. — Мать стоит перед своими детьми в ужасе, не зная, чем их накормить. Голод не менее разрушителен, чем война, он парализует человека и лишает его морали. Все достинства праведной жизни исчезают при его вторжении. Но мы можем спасти этих людей, если захотим».

Представленный Труменом билль об ассигновании 425 млн долларов на оказание помощи двум десяткам стран получил одобрение Конгресса.

Восстановление общественного признания достигло апогея в день семидесятичетырехлетия Гувера, 10 августа 1949 года. Конгресс принял резолюцию «с сердечным поздравлением, с выражениями восторга и благодарности за его службу стране и миру». Поздравления присылали губернаторы штатов, министры, мэры городов, иностранные правительства. Газетные полосы, радиопередачи полнились восторженными ретроспекциями.

Теперь все уверяли, что он «великий американец и великий гуманист» и даже «великий президент». Все это носило оттенок извинения за прошлые оскорбления. Еще раньше, в 1947 году, плотине на Колорадо было возвращено законное имя — Hoover dam.

Возвращение к деятельной жизни было благодатным — душа утешилась, вернулись спокойствие духа и даже чувство юмора: «Я единственный человек, чьим именем названа депрессия». Он погрузился в воспоминания, написал три тома мемуаров — они были изданы в 1951–1953 годах; его книга «Трагический опыт Вудро Вильсона» стала бестселлером.

В июле 1963 года Гувер испытал сильное недомогание — гастрокровотечение. Тем не менее весной следующего года он уехал в Нью-Йорк, в «свой» номер в «Уолдорф Астории». Там он находился под постоянным наблюдением врачей, младший сын Аллан перенес в Уолдорф свой офис, чтобы находиться поближе к отцу.

10 августа 1964 года. 16 штатов объявили этот день, день его девяностолетия, «Днем Гувера». Он продолжал работать, писать до самого последнего дня, до 20 октября 1964 года. Сильнейшее кровотечение свело его в этот день в могилу. Президент Джонсон распорядился приспустить государственные флаги и объявил национальный траур.

Он завещал похоронить себя в деревеньке, где родился, — в Вест Бранче, и перенести туда прах Лу, умершей в 1944 году. Ныне там, на заповедной территории, возвышаются два саркофага — Герберта Кларка Гувера и его жены Лу Генри Гувер.

Одна из газет написала в некрологе: «Гувер накормил больше людей и спас больше жизней, чем какой-либо другой человек в истории».

Юджин Лайонс, один из почитателей Гувера, завершил свою книгу, законченную незадолго до кончины своего героя, следующими строками: «Две тысячи лет назад Софокл написал: „Одинокий должен ждать вечера, чтобы увидеть, каким прекрасным был день“. Я мог бы описать Герберта Гувера как великого государственного деятеля. Я мог бы описать его как великого бизнесмена. Я мог бы описать его как великого гуманиста. Но прежде всего я хотел бы помнить о нем как о человеке великого характера… Его триумф был триумфом характера».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

American friendship. Herbert Hoover and Poland. Argraf, Warshava & Hoover institution, Stanford, 2004.

David Burner. Herbert Hoover. A public life. Alfred A. Knoff, N. Y., 1979.

Herbert Hoover. American individualism. Doubleday, Page & Co. N. Y., 1922. Kessinger Legacy reprints.

The Hoover — Wilson. Wartime correspondence. September 24, 1914 — November 11, 1918. Ames, Iova, 1974.

William E. Leuchtenburg. Herbert Hoover. Times Books, N. Y., 2009.

Eugene Lyons. Herbert Hoover. A biography. Doubleday & Co. Garden City, N. Y., 1964.

Helen B. Pryor. Gallant First Lady. Dodd, Mead & Company, N. Y., 1969.

Gene Smith. The Shattered Dreem. N. Y., 1970.

Richard N. Smith. An uncommon man. The triumph of Herbert Hoover. Simon & Shuster. N. Y., 1984.

Carol G. Wilson. Herbert Hoover. A challenge for today. Evans Publishing Co. N. Y., 1968.

Перевезенцев Ф. Л. Инженер, ставший дипломатом: деятельность Герберта Гувера во главе комиссии помощи Бельгии в 1914–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. № 331. Томск. 2011.

Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. Документы.С. 233–237. М., 2001.

notes

Примечания

1

Окончательный удар (фр.).

2

Предоставьте действовать (фр.); принцип, допускающий минимальное вмешательство государства в экономику

3

«Who killed Cock Robin» («Кто убил петуха Робина») (англ.) — старинный английский детский стишок, символ больших сборов с ничтожным результатом.

4

Все трое — видные военачальники Второй мировой войны. Марк-Артур — главнокомандующий американскими войсками в Азии, Эйзенхауэр — в Европе, президент США в 1952–1960 годах, Паттон командовал американскими армиями в Африке и Европе.

5

В течение 1920-х годов были приобретены копии важных советских документов и личные архивы видных деятелей России: Керенского, Корнилова, Львова, Врангеля, Маклакова, Троцкого и др., частных лиц, архивы русских посольств за рубежом, общественных организаций и т. д. Собирались документы военного времени и революционного движения европейских и азиатских стран. В 1929 году Гуверовская библиотека насчитывала более 1,5 млн. документов. В 1938 году началось строительство «Башни Гувера», в 1941 году в ней разместилась архивохранилище и библиотека. Ныне институт хранит более 50 млн. документов, из них более 12 млн. относится к российским делам.